

Взятіе у старообрядцевъ Иргизскаго монастыря

въ 1836 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 года, въ XXIII-мъ томѣ помѣщены «Очерки, рассказы и воспоминанія» (глава V) стр. 631—704. Въ этихъ очеркахъ, между прочимъ, говорится о завладѣніи иргизскою раскольничьею обителью въ Саратовской губерніи, въ бытность губернаторомъ А. П. Степанова. Рассказъ этотъ не вполне точенъ; я имѣю возможность возстановить истину, потому что дѣло это мнѣ хорошо извѣстно: зимою, въ 1836 году, я былъ въ отпуску у отца моего, А. П. Степанова, и уѣхалъ, когда дѣло было кончено. Все, что я тогда узналъ, было мною записано.

Необходимо пояснить предшествовавшія обстоятельства. Когда А. П. Степановъ, по случаю новаго назначенія, являлся къ покойному императору Николаю Павловичу, государь указалъ ему на обиліе раскольниковъ въ Саратовской губерніи и въ особенности на гнѣздо ихъ, въ иргизскихъ скитахъ. Отецъ мой рѣзко отвѣчалъ:

— Ваше величество, я ихъ приведу къ одному знаменателю.

Государь улыбнулся и сказалъ: «Безъ сильныхъ мѣръ. Надо дѣйствовать осторожно и не раздражать».

Въ министерствѣ даны были А. П. Степанову наставленія, преимущественно касающіяся раскольниковъ: указано на иргизскіе скиты, какъ на священное мѣсто, родъ Мекки, всѣхъ приволжскихъ раскольниковъ; какъ на притонъ, гдѣ обитали самыя закоренѣлыя фанатики, куда укрывались бѣглецы изъ сибирскихъ ссыльныхъ; бѣглецы преступники и опасные сектаторы, такъ называемые бѣгунцы. Предложено употребить разумныя, не насильственныя, но мягкія мѣры для подготовленія скитовъ къ передачѣ православной или единовѣрческой церквямъ.

Прибывъ на мѣсто и вникнувъ въ управленіе, А. П. Степановъ нашелъ, что распоряженія исполняются крайне медленно и неудовлетворительно, вслѣдствіе того, что обширному, въ то время, пространству губерніи не соответствовало малое количество уѣздныхъ пунктовъ управленія. Онъ испросилъ разрѣшеніе образовать три новыя уѣзда и устроилъ Новоузенскій, Бугурусланскій и Николаевскій въ тогдашней заволжской части Саратовской губерніи. Въ городѣ Николаевскѣ переименовано большое село, въ очень близкомъ разстояніи отъ иргизскихъ скитовъ. Въ рассказѣ Э. И. Стогова ошибочно сказано, что возмущеніе раскольниковъ произошло вслѣд-

ствіе приказанія образовать г. Николаевскъ на мѣстѣ раскольничьяго монастыря.

Въ исходѣ 1836 года явился къ А. П. Степанову богатый, вліятельный въ южномъ приволжьѣ негодіантъ, старовѣръ С. и объявилъ, по секрету, что на дняхъ получитя изъ Петербурга запросъ о томъ: подготовлень-ли Иргизскій монастырь къ передачѣ единовѣрческой церкви. Потомъ С. всею силою своего краснорѣчія доказывалъ несостоятельность этой мѣры, которая нисколько не приведетъ къ цѣли, предполагаемой правительствомъ; расколъ не уменьшится, а, напротивъ, ожесточится и преисполнится ненависти, которой по сіе время не было. Много говорилъ онъ, и въ заключеніе употребилъ всѣ имѣющіяся у него убѣжденія для того, чтобъ склонить губернатора къ отвѣту, что иргизскіе скиты еще не готовы. <Тогда,—добавилъ онъ,—дѣло затянется и все будетъ по прежнему тихо и спокойно>.

С. ушелъ отъ губернатора въ твердой увѣренности, что никакого рода убѣжденія не поколеблять его въ честномъ исполненіи его обязанностей.

Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, изъ министерства полученъ запросъ, о которомъ говорилъ С., и А. П. Степановъ отвѣтилъ, что у него все готово. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ единовѣрческій архимандритъ Зосима, назначенный для принятія въ свое вѣденіе Иргизскаго монастыря. Губернаторъ немедленно отправилъ его на Иргизъ съ чиновниками, которые должны были ввести его въ монастырь. Но дѣло приняло другой оборотъ. Когда архимандритъ и чиновники прибыли къ монастырю, то нашли ворота запертыми и въ нихъ никого не впускали. На другой день, столпилось кругомъ монастыря нѣсколько тысячъ человѣкъ; по скитамъ били въ набатъ; со всѣхъ сторонъ народъ валилъ къ монастырю; съ каждымъ днемъ толпа увеличивалась. Дали знать губернатору, онъ поскакалъ туда и остановился въ Николаевскѣ; ко входу въ его квартиру поставленъ часовой отъ конно-артиллерійскаго резерва, въ тѣхъ мѣстахъ квартировавшаго. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ настоятеля старовѣрческаго монастыря; онъ явился (не подъ конвоемъ жандармовъ, а съ чиновникомъ, за нимъ посланнымъ); губернаторъ уговаривалъ его покориться приказанію; но всѣ увѣщанія остались тщетными и онъ отправленъ обратно въ монастырь. Привели къ монастырю николаевскую гарнизонную команду; приказано толпѣ разойтись, съ угрозою, что разгонять силою. Въ отвѣтъ на это раскольники спѣшили, переплелись тѣсно руками, облегли огромною цѣпью монастырь и поклялись, что, пока живы, монастыря не отдадутъ. Раста-

щитъ ихъ не было возможности; казаки пытались разогнать ихъ нагайками, но терпѣливо переносили они удары и оставались въ прежнемъ положеніи. Тогда губернаторъ приказалъ привезти два конноартиллерійскихъ орудія и между ними поставить двѣ пожарныя трубы. Съ начатиємъ пальбы холостыми зарядами, стали качать трубы; морозъ былъ сильный, вода, превращаясь въ крупный градъ, осыпала раскольниковъ; тѣ, перепуганные пальбою и падающимъ кругомъ ихъ чѣмъ-то, что, вѣроятно, приняли за картечь, — разорвались и побѣжали; казаки отогнали ихъ далеко въ степь. Ворота монастыря отворились, единовѣрческій архимандритъ съ клиромъ торжественно введенъ въ свое владѣніе, а старцы, населявшіе монастырь, были разсланы по прочимъ скитамъ. Такимъ образомъ, хотя не безъ труда, но безъ кровопролитія, дѣло было исполнено.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о возмущеніи раскольниковъ, саратовскій жандармскій штабъ-офицеръ донесъ въ Петербургъ о бунтѣ. Тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе объ отрѣшеніи губернатора отъ должности; но, вслѣдъ затѣмъ, по полученіи officialнаго и подробнаго донесенія о передачѣ монастыря, А. П. Степановъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и назначенъ членомъ статистическаго комитета, съ сохраненіемъ всего содержанія, — о чемъ и значитъ въ его послужномъ спискѣ.

Примѣчаніе. Единовѣрческій архимандритъ благословилъ А. П. Степанова иконою со слѣдующею надписью: «Его превосходительству г-ну саратовскому губернатору Александру Петровичу Степанову на благословеніе отъ единовѣрческой Николаевской обители за благоразумное исполненіе высочайшаго повелѣнія касательно преобразования оной изъ раскольниковъ Средне-никольскаго монастыря. Марта 14-го дня 1837 года. Настоятель архимандритъ Зосима».

П. А. Степановъ.

РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

I.

Батюшка мой былъ священникомъ въ страшно бѣдномъ приходѣ. Насъ, дѣтей, у него было четверо: сестра, я и двое маленькихъ братьевъ. Матушка выучила меня читать, а батюшка — писать, немного ариѳметикѣ, русской и латинской грамматикамъ и читать по французски. Постоянно я читалъ и пѣлъ на клиросѣ и нерѣдко, въ большіе праздники, читалъ апостоль, выучивши его заранѣе. Когда же мнѣ минуло восемь лѣтъ, батюшка собрался везти меня въ Саратовъ, въ училище. Часто матушка съ сокрушеніемъ смотрѣла на

меня передъ отъѣздомъ и втихомолку проливала горькія слезы. Да и было надъ чѣмъ. Много, бывало, проходило семинаристовъ на каникулы черезъ наше село; всѣхъ, бывало, матушка позоветъ къ себѣ, всѣхъ накормить и напоить; но тѣ, бывало, только о томъ и рассказываютъ намъ, какъ ихъ порятъ тамъ. Горькими слезами обливалась матушка, слушая рассказы и глядя на насъ.

Въ концѣ августа 1835 года батюшка собрался везти меня. Въ день отъѣзда къ нашему дому собралось почти все село: и ребятишки-товарищи, и дѣвчонки, и бабы, и старухи... Матушка плакала неутѣшно, я плакалъ навзрыдъ, бабы и старухи обнимали меня, цѣловали и голосили на все село. Прошло болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, но эта, раздирающая душу, картина жива въ моей памяти! Среди общаго стона и плача, матушка вспомнила, что я не простился съ одною старушкой, у которой въ домѣ пеклись пряники, и которая любила лакомить меня ими, но которая была теперь больна и не могла проводить меня. Я побѣжалъ къ ней, и самъ не помню, какъ упалъ безъ чувствъ на завалинѣ ея дома. Но надобно же было, наконецъ, ѣхать, лошадка давно уже была запряжена. Меня взяли, усадили въ телѣжку, и батюшка поѣхалъ. Весь народъ пошелъ за нами и шелъ далеко за село. Матушка встала на бугорокъ и смотрѣла на насъ, пока мы совсѣмъ уѣхали изъ виду. Въ Саратовѣ мы остановились на постояломъ дворѣ. На другой день мы пошли къ ректору училища. Батюшка мой былъ человѣкъ необыкновенно добрый и кроткій. Ко всѣмъ начальствующимъ онъ имѣлъ благоговѣнный страхъ. Помню, какъ, бывало, пріѣдетъ для поборовъ какойнибудь приказный духовнаго правленія, и батюшка мой не знаетъ, какъ и угостить его. А тотъ [важничаетъ, ломается, кричитъ и распоряжается въ домѣ, какъ полный хозяинъ. Теперь же предстояло идти къ самому ректору (смотрителя училищъ тогда назывались ректорами). Я давно наслушался всякихъ страховъ и представлялъ ректора какимъ-то богомъ. Я шелъ не помня себя. Какъ только вышелъ къ намъ ректоръ, я затрясся и залился горькими слезами. Ректоръ далъ мнѣ читать какую-то славянскую книгу; но я рыдалъ и читать не могъ. Сколько онъ ни ободрялъ меня, я плакалъ и не могъ выговорить ни слова. Батюшка далъ ему цѣлковый, а тотъ далъ записку, что я принять во второй классъ. Записку эту я долженъ былъ отдать въ классъ учителю втораго класса. Послѣ, когда былъ уже священникомъ и благочиннымъ, и въ хорошемъ приходѣ, я коротко былъ знакомъ съ своимъ бывшимъ ректоромъ. Это былъ магистръ академіи и предобрѣйшій старичокъ, о. архимандритъ Гавриилъ. Послѣ ректора училища онъ былъ профессоромъ и ректо-

ромъ семинаріи. Отъ ректора мы пошли съ батюшкой искать по городу квартиру. Около одного дома мы увидѣли много игравшихъ ребятъ, босыхъ, безъ шапокъ и въ одномъ грязномъ бѣльѣ. Батюшка спросилъ, и узналъ, что это семинаристы, и квартиранты этого дома. Батюшка пошелъ въ домъ, хозяинъ-сапожникъ согласился принять и меня. Чтò это была за квартира,—этого я тогда не понималъ; но батюшка не имѣлъ средствъ нанять мнѣ лучшую квартиру и имѣлъ въ виду, что на артели мнѣ не будетъ скучно. Въ двухъ небольшихъ и низенькихъ комнатахъ насъ было человекъ пятнадцать. Неурядица, гамъ, возня и грязь были страшныя. Въ домѣ у моего батюшки было хоть и бѣдно, но чрезвычайно чисто. Здѣсь же меня заѣли насѣкомыя, чрезъ мѣсяць я совсѣмъ опаршивѣлъ, и къ Рождеству захворалъ. Большихъ, какъ мы называли тогда учениковъ семинаріи, съ нами не было. Мы были все мелочь — училищныя, а потому и порядка не было ни малѣйшаго: всякій дѣлалъ, что хотѣлъ.

Въ Саратовѣ было два духовныхъ училища; одно старое, гдѣ обучались одни только квартирныя, т. е. отцовскія дѣти, и другое—при которомъ была бурса. Въ бурсу помѣщались только сироты. Я поступилъ въ старое училище. Это было старое зданіе, въ полномъ смыслѣ этого слова: довольно большое каменное зданіе, безъ дверей, оконныхъ стеколъ и печей. Много мы горя приняли въ такихъ классахъ зимою! Какъ только я вошелъ во дворъ училища, ко мнѣ подошелъ, проходившій мимо, одинъ изъ учителей; онъ ласково потрепалъ меня за щеку и спросилъ въ какой классъ поступилъ я. Я сказалъ, что во второй. «Жаль,—говорить,—что не ко мнѣ, а ужъ какъ бы я сталъ сѣчь тебя!» Это былъ мнѣ первый привѣтъ. Нѣсколько сотъ учениковъ толпилось на дворѣ. Новички жались по угламъ, а синтаксисты—ученики старшаго класса, т. е. четвертаго, великаны и всѣ уже брившіе себѣ бороды, важно рассказывали по двору и, въ забаву, поддавали подзатыльники и пинки нашему брату, мелюзгѣ. Нѣкоторые изъ новичковъ, прижавшись къ стѣнкѣ, съ клочкомъ бумажки въ рукахъ, заучивали свою фамилію. У насъ, духовныхъ, какъ извѣстно уже всѣмъ, фамиліи есть забавныя. Откуда онѣ взялись? Это было такъ: привозить какойнибудь отецъ своего мальчика въ училище, ставить на квартиру, непременно въ артель. Въ артельной квартирѣ непременно уже господствуетъ какойнибудь великанъ-синтаксистъ, лѣтъ 10 трудящійся надъ латинскими и греческими спряженіями. Иногда такихъ господъ собиралось и по нѣсколько на одной квартирѣ. Отецъ обращается къ какомунибудь и спрашиваетъ: какую-бы, милостивый государь, дать фамилію моему парнишкѣ? Тотъ, въ это время, долбилъ: типто, типтисъ, типти....

— Какую фамилію дать?!... Типтовъ! Другой, такой же атлетъ, сидѣть, въ это время, гдѣ нибудь верхомъ на конькѣ сѣновала или погребницы, и долбитъ: *diligenter*—прилежно, *male*—худо... Слышать, о чемъ спрашиваютъ, и ореть: Нѣтъ, нѣтъ! Дай своему сыну прозвище Диллигентеровъ, слышишь: Диллигентеровъ! Третій, такой же скотина, сидѣть верхомъ на заборѣ и ореть урокъ изъ географіи: Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ, Гага.... «Нѣтъ, нѣтъ,—перевиваетъ,— Дай прозвище сыну Амстердамовъ!» Сбѣгаются всѣ, дѣлается совѣтъ, т. е. крикъ, ругань и иногда и съ зуботрещинами, и чья возьметъ, того фамилія и останется. Дикій малецъ не можетъ и выговорить-то, какъ его окрестили эти урванцы. Ему пишутъ на бумажку и онъ ходитъ и заучиваетъ иногда, право, чуть ни мѣсяцъ. Съ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, было, что спроситъ кого нибудь учитель, и человекъ десять бросятся въ карманы за запиской, чтобы справиться, не его ли вызываютъ? Вотъ причина, почему у насъ, духовныхъ, образовались фамиліи Превышеколокольниходящихскихъ! Я не разъ бывалъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Я былъ уже въ послѣднемъ классѣ семинаріи, въ 1847 году, когда послѣдовало распоряженіе св. синода, чтобы дѣти носили фамилію своихъ отцовъ. Но, за то, Превышеколокольниходящійскіе закрѣпились на вѣкъ.

Послѣ молебна насъ послали по классамъ. При входѣ въ классъ насъ стали объѣзжать. Объѣзжать значитъ, что какъ только новичокъ входитъ въ классъ, то старый, сидѣвшій въ этомъ классѣ уже нѣсколько лѣтъ, взваливается тебѣ на плечи и велитъ везти его. Ты, бывало, упадешь, а онъ сидѣть на тебѣ и дупитъ кулачищами во что попало. Такихъ маленькихъ, какимъ былъ я, было не много. Къ моему счастью, одинъ великанъ, лѣтъ восемнадцати, Маяцкій, сжалился надо мною и принялъ меня подъ свое покровительство. Послѣ этого, дѣйствительно, меня никто не тронулъ и пальцемъ. Только, бывало, кто тронетъ меня, я къ Маяцкому; тотъ хватитъ по зубамъ, и я прижмусь къ моему защитнику, какъ собачонка.

Черезъ недѣлю къ намъ пришелъ на квартиру инспекторъ. Это былъ мужчина высокій, плечистый, здоровенный, лѣтъ тридцати, Г. Н. Архангельскій. Это былъ звѣрь, а не человекъ! Не было дня, чтобы онъ не перепоролъ въ училищѣ десятка самымъ варварскимъ образомъ. Приходитъ къ намъ и спрашиваетъ: читаемъ ли мы, по каноннику, вечернія и утреннія молитвы? Мы, конечно, не читали. Но тутъ мать хозяина, старушка, выручила насъ: «я, батюшка, говоритъ, читаю имъ и утреннія и вечернія молитвы». — А гдѣ канонникъ? Она подала и сказала: «вотъ это утреннія, а вотъ это вечернія молитвословія». Инспекторъ остался доволенъ. «Покажите ваши

сундуки!» Переворочалъ, пересмотрѣлъ въ нихъ — все исправно; но, на бѣду, у одного нашель сырыя арбузныя сѣмячки. — «Это что?!.. Чей сундукъ? Ахъ, ты!.. Ты гноить отцовское добро — рубашки, сундукъ?!» И баць его со всего размаха! Мальчикъ ударился о печь, упалъ на полъ и изъ носу и рта полила кровь.... Мальчикъ былъ такой же ребенокъ, какъ я. «Но погоди! Въ училищѣ я задамъ тебѣ не такъ!» — Ушелъ. Несчастный ребенокъ, не помню сколько, но долго прохворалъ послѣ этого варварскаго удара . . . . .

II.

Переверну нѣсколько десятковъ страницъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, скажу два—три слова о преосвященномъ, бывшемъ саратовскомъ и потомъ астраханскомъ, Аѳанасіѣ.

Преосвященный Аѳанасій въ Саратовъ явился грозой, хотя изъ этой грозы ровно ничего не вышло. Шуму и треску было вдоволь, но этотъ трескъ былъ безъ содержанія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Саратовъ, нѣкоторые учителя семинаріи были уволены (Сокольскій, Синайскій и др.), но замѣнены много худшими. Въмѣсто всѣми любимаго и дѣйствительно лучшаго профессора И. Г. Терсинскаго, поступилъ на кафедру богословскихъ наукъ его, Аѳанасія, племянникъ, Дружининъ (нынѣ тоже умершій); но это былъ человекъ, цѣлыя ночи просиживавшій за картами и являвшійся въ классъ изнуреннымъ, соннымъ и нисколько не подготовленнымъ къ классу, а потому и предметъ этотъ шелъ ниже всякой посредственности.

Въ просительской комнатѣ преосв. Аѳанасій устроилъ, среди комнаты, нѣчто въ родѣ амвона съ тремя ступеньками. Всякій, желающій получить какое нибудь мѣсто—должность, долженъ былъ выходить впередъ просителей и становиться возлѣ амвона. Тотчасъ какъ только входилъ преосвященный въ просительскую, всѣ, какъ по командѣ, падали въ ноги. Преосвященный молча садился на кресло, противъ амвона. Проситель подходилъ къ преосвященному, кланялся въ ноги, подавалъ прошеніе, опять кланялся въ ноги и отходилъ къ сторонѣ. Желавшій, въ первый разъ, получить мѣсто, исключенный или кончившій курсъ семинаріи, подвергался испытанію. Для этого, по подачѣ прошенія, его ставили опять возлѣ амвона. Принявши отъ всѣхъ прошенія и не читавши ихъ, преосвященный обращался къ просителю мѣста и спрашивалъ его: какія обязанности пономаря? Испы-

туемый отвѣчалъ, что могъ. Если отвѣты были удовлетворительны, то преосвященный громко произносилъ: аксіось! Послѣ этого испытываемаго служки вводили на первую ступень. Преосвященный спрашивалъ: какія обязанности дьячка? Если опять отвѣты были удовлетворительны, то преосвященный опять громко произносилъ: аксіось! Испытуемаго вводили тогда на вторую ступень. Преосвященный спрашивалъ объ обязанностяхъ діакона и катехизисъ. Если отвѣты были неудовлетворительны, то преосвященный съ сердцемъ кричалъ: «дуракъ, дуракъ! Прочь!.. Вонъ!» И... несчастный сползалъ опять на нижнюю ступень!.. «Ты не стоишь діаконскаго мѣста, дуракъ! Прости дьяческое»,—говорилъ ему преосвященный. И тотъ безмолвно выходилъ изъ пріемной. Еслижъ отвѣты были удовлетворительны, то, послѣ обычнаго аксіось, испытываемый входилъ на третью ступень. Здѣсь испытывался въ знаніи богословія, логики, психологіи, патристики и пр., и пр. Получившій здѣсь аксіось входилъ на амвонъ и получалъ отъ преосвященнаго троекратное аксіось. Послѣ этого, пробраннаго и пропеченнаго такимъ образомъ запирали въ пустую комнату (во второмъ этажѣ), давали ему бумагу, чернилъ и листъ съ темою на проповѣдь. Ключъ отъ комнаты былъ у преосвященнаго. Запертый долженъ былъ, безъ всякой посторонней помощи, написать проповѣдь и представиться съ нею къ преосвященному. Здѣсь уже было окончательное рѣшеніе на полученіе мѣста. Но о проповѣдяхъ у насъ никто и не думалъ,—ихъ никто не боялся. Для этого всякій запасался рублевкой и длинною ниткой. Рублевки заранѣе давались лакею, который позволялъ отворить окно или форточку и спустить на ниткѣ лоскутокъ бумаги съ темою на проповѣдь. Внизу, около окна, уже ждали товарищи. Принявши лоскутокъ съ темой на проповѣдь, они бѣжали на квартиры и тамъ или подыскивали готовую проповѣдь, или писали новую, и, опять тѣмъ же путемъ, доставляли заключенному. Тотъ переписывалъ, черновую преспокойно пряталъ за голенищу и стучалъ въ дверь, давая тѣмъ знать, что проповѣдь готова. Преосвященный принималъ заключеннаго и читалъ его проповѣдь. Достоинствомъ проповѣди считалось и то, если она была скоро написана. Недурная проповѣдь и скоро написанная располагала преосвященнаго къ перемѣнѣ съ плохаго мѣста просителю на лучшее. Проповѣдь непремѣнно выходила недурною, если списывалась съ готовой. Лучшіе ученики семинаріи проповѣди писали сами. Средніе ученики классными уроками почти не занимались. Они постоянно списывали другъ у друга проповѣди. У нихъ имѣлись лучшія проповѣди всѣхъ предшествовавшихъ курсовъ. Нѣкоторые ученики имѣли ихъ сотни. Скажетъ проповѣдь наставникъ семинаріи, скажетъ

лучшій изъ учениковъ,—проповѣди ихъ на-расхватъ списываются всѣми. Эти-то проповѣди и выручали при Аѳанасіѣ заключенныхъ. Но всѣ эти амвоны, экзамены, аксіюсы и пр. ни къ чему ровно не служили. Мы были на послѣднемъ курсѣ, когда продѣлывались всѣ эти штуки. Видѣли, что ожидаетъ насъ, но усердія къ дѣлу нима-ло отъ этого не прибавилось. И самъ преосвященный Аѳанасій, вѣ-роятно, увидѣлъ пустоту такой комедіи,—черезъ годъ онъ бросилъ все и не сталъ дѣлать даже самыхъ поверхностныхъ экзаменовъ . . .

III.

Еще переверну нѣсколько страницъ моихъ тетрадей; вотъ двѣ-три черты изъ быта того времени, когда я начиналъ свое служеніе.

Въ то время, государственными крестьянами управляли еще па-латы государственныхъ имуществъ; въ сельскія школы были выда-ваемы книги, для внесенія въ нихъ замѣтокъ, о состояніи школъ, ревизующими. Начальствовавшихъ, а слѣдовательно, и имѣвшихъ обязанность ревизовать школы, было не меньше нинѣшняго. Обяза-ность эта лежала, между прочимъ, и на волостномъ головѣ и на мѣстномъ благочинномъ. Однажды я, бывши въ с. Широкомъ Буе-ракѣ, Саратовскаго уѣзда, какъ благочинный, тоже зашелъ въ школу. Въ числѣ отмѣтокъ ревизоровъ я нашелъ такую: «учениковъ въ школахъ на лицѣ всево на всево 20 читаютъ хорошо пишутъ хорошо ариф-метеку знаютъ хорошо граматеку знаютъ хорошо. За безграмотностью волостной голова прилагаетъ печать». Это было въ 1850-хъ годахъ.

Мѣсяца черезъ четыре по поступленіи моемъ во священники въ с. Е., Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ., въ селеніи моемъ была яр-марка. Въ разгаръ ярмарки приходитъ ко мнѣ познакомиться ста-новой приставъ, нѣкто Долговъ, съ лакейшкомъ своимъ Васькой. Становой—человѣкъ огромнаго росту, здоровенный мужчина, съ кра-снымъ, пухлымъ рыломъ и хриплымъ горломъ. Васька его, маль-чишка лѣтъ 12-ти—настоящій бѣсенокъ. Человѣкъ 10 десятскихъ, провожавшихъ становаго, остались у воротъ. Отрекомендовавшись и посидѣвши минуты двѣ-три, становой говоритъ: «пойдемте, батюшка, посмотримъ ярмарку». Пошли. Васька и десятскіе пошли за нами. Мордва, изъ Пензенской губерніи, привозила тогда множество щеп-наго товару. Намъ пришлось идти сперва по щепнымъ рядамъ. Я, какъ новичокъ въ жизни, не имѣвшій ни о чемъ понятія, шелъ-

себѣ, не замѣчая ничего; но, за то, становой мой, какъ знатокъ, съ разу видѣлъ все. Онъ, на ходу, почти не глядя, указывалъ мнѣ палкой: «это корыто хорошо; а это, мордвище, вытесалъ кривое, на жену глядя. Эти колеса недурны; а это, фу, гадость! Только воду возить. Эта дуга недурно согнута; а эти даже очень будутъ недурны, если покрасить. Въ этой во всей кучѣ, нѣтъ двухъ порядочныхъ!» И такимъ образомъ онъ оцѣнилъ телѣги, колеса, оси, сита, рѣшета и пр., и пр., не покупая, однакожъ, ничего. Приходимъ въ рядъ, гдѣ продавались пряники и орѣхи. Та же исторія: одно похвалить, другое обзоветъ недобрѣмъ словомъ. Подходимъ къ краснорядцамъ. Въ то время была мода на шелковые носовые платки. Въ первой лавкѣ становой спрашиваетъ: «носовые платки есть?» Купецъ: а... есть... но... ваше благородіе...— «Нѣтъ, мнѣ не нужно. Я хотѣлъ-было купить съ полдюжины, но... послѣ, какъ нибудь въ городѣ!» Въ слѣдующей лавкѣ спросилъ: «полотно на сорочки есть?» И этотъ купецъ замаялся. Въ слѣдующей еще что-то спросилъ. Мы, не останавливаясь, легонько шли, а становой говорилъ—не то мнѣ, не то купцамъ, самымъ хладнокровнымъ манеромъ. Такъ прошли мы всю ярмарку. Въ толкотнѣ попадаются два пьяные мужика и одинъ другому хвалится: вотъ тутъ у меня 100 р.! Становой мой какъ заоретъ: «взять его! Закачать ему 50! Не хвались на базарѣ, у тебя ихъ украдутъ!» Десятскіе подхватили и увели. «Теперь,—говоритъ мнѣ становой,—пойдемте ко мнѣ отдохнуть». Входимъ на дворъ, а на дворѣ переполнено: телѣгъ, колесъ, дугъ, корытъ, рѣшетъ и пр., и пр. Становой самодовольно ухмыльнулся. Въ избѣ, на большомъ крестьянскомъ столѣ, огромная куча пряниковъ, орѣховъ, конфетовъ разныхъ сортовъ, и тутъ же шелковые носовые платки, полотно, салфетки, словомъ—столъ и передній уголъ завалены всякою всячиной...

— «Садитесь, батюшка, кушайте что на васъ взглянетъ! Э, постой! Десятскій!»—Тотъ подбѣжалъ. Становой оторвалъ отъ цѣлаго куска одну салфетку, наложилъ полную орѣховъ, конфетовъ и пр.— «На, десятскій, неси матушкѣ. Матушка-то одна теперь скучаетъ. Скажи, что намъ съ батюшкой еще осталось».

Откуда все это? Оказалось, что становой палкой указывалъ не мнѣ, а Васькѣ. Васька все [хваленое хваталъ и отдавалъ десятскимъ, а тѣ тащили къ становому въ квартиру.

— Куда вамъ всѣ телѣги, дуги и проч.?—спрашивалъ я.

— Э! Мужики же все раскупятъ.

Не успѣли мы сѣсть, какъ входятъ двѣ торговки: ваше благородіе! Вашъ Василій взялъ у насъ два фунта яичнаго мыла. Помилуйте, ваше благородіе, вѣдь оно по шести гривенъ за фунтъ!

— Васька! Какъ ты смѣлъ!

— Помилуйте, ваше благородіе, онѣ врутъ, я не бралъ. Я и безъ мыла юркій.

— Не бралъ! Ну, такъ въ шею ихъ!

И Васька тотчасъ вытолкалъ ихъ въ шею.

Въ концѣ ярмарки становой опять приходитъ ко мнѣ.

— Ну, что, батюшка, хорошенькаго купили на ярмаркѣ?

— Ничего. Хотѣлъ-было купить лошадь, да побоялся, чтобъ не обманули.

— Эхъ, ты, молодятина! Чтожъ ты мнѣ-то не сказалъ? Я купилъ бы безъ обману. Пойдемъ. Въ какую цѣну?

Въ конномъ ряду барышникъ купилъ жеребца и верхомъ, для пробы, пустился на немъ во всю мочь въ степь. Становой мой увидѣлъ, затопалъ, поднялъ руки и заоралъ во все горло: «стой, стой, держи его! За прыткую ѣзду взять его въ жигулевку!» Но барышникъ ускакалъ изъ виду и не слышалъ его.

— Сколько онъ далъ за жеребца?

— 105 рублей.

Становой толкнулъ меня въ бокъ и шепчетъ: «Бери! коль барышникъ далъ 105, такъ ужъ вѣрно стоитъ 150 рублей».

— Да развѣ можно отбивать! онъ нынѣ же ночью украдетъ его.

— Не украдетъ. А украдетъ, такъ мы найдемъ.

— Нѣтъ, ну его: не возьму.

Барышникъ вернулся. Какъ только увидѣлъ его становой мой, опять заоралъ: «взять его въ жигулевку, а лошадь въ конюшню!» Но барышникъ соскочилъ и ухватился за узду. «Нѣтъ ужъ,—говорить,— лошади не отдамъ, веди меня съ лошадыю, куда хочешь».—И десятскіе уволокли его вмѣстѣ съ лошадыю. Что было потомъ съ нимъ, не знаю; но становой былъ очень недоволенъ мной, что я не взялъ лошади.

Сельскій священникъ.

Архимандриты на чредѣ священнослуженія въ столицѣ.

Каждый годъ и прежде вызывались и нынѣ вызываются изъ епархій два архимандрита на чреду священнослуженія въ С.-Петербургъ. Видимая цѣль этихъ вызвовъ та, чтобы вызваннымъ отцамъ архимандритамъ служить при совершеніи литургій съ с.-петербургскимъ митрополитомъ и его викаріями въ дни воскресные, праздничные и высокаторжественные; служить всенощныя и обѣдни, и отдѣльно отъ нихъ, въ праздники менѣе важные, тамъ, гдѣ укажутъ;

сказывать проповѣди въ Александровской-ли лаврѣ, въ кафедральномъ-ли с.-петербургскомъ соборѣ, или гдѣ-либо индѣ, гдѣ только велятъ; присутствовать, вмѣсто приглашаемыхъ архіереевъ, на экзаменахъ по закону Божию въ разныхъ свѣтскихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и пр., и пр. А настоящая, существенная цѣль тѣхъ вызововъ состояла и состоитъ въ томъ, чтобы посмотрѣть тѣмъ, на комъ долгъ лежитъ, на отцовъ архимандритовъ—каковы они, способны-ли, годны-ли, достойны-ли они быть возведены на высшую степень служенія церкви, быть рукоположены въ санъ архіерейскій: прежде, кого вызывали на чреду (священнослуженія), о томъ обыкновенно всѣ уже и говорили: скоро будетъ архіереемъ; или: значить, его хотятъ сдѣлать архіереемъ; да и сами вызываемые на чреду почти всѣ смотрѣли на свой вызовъ именно съ этой точки зрѣнія, такъ что иные изъ нихъ, отъѣзжая изъ мѣста своего жительства, распродавались, забирали все свое лучшее имѣніе съ собой, съ сослуживцами, подчиненными и знакомыми прощались навсегда. Да оно часто такъ и бывало: достойные архимандриты болѣе уже и не возвращались къ мѣстамъ прежней своей службы; въ Петербургѣ же, во время самой чреды служенія (разумѣется, въ случаѣ праздныхъ архіерейскихъ вакансій), они и были посвящаемы въ епископы, или если и возвращались на прежнія мѣста, то не надолго: вскорѣ снова бывали вызываемы, но уже не для чреды священнослуженія, а для хиротоніи на высшую степень церковной іерархіи. Такъ какъ, до послѣдняго преобразования семинарій и духовныхъ академій, ректорами этихъ духовно-учебныхъ заведеній служили исключительно монашествующіе—архимандриты, и такъ какъ эти именно лица, между прочимъ, по своему образованію, бывали преимущественно предъ другими архимандритами наиболѣе способными къ прохожденію архипастырскихъ обязанностей, то ихъ именно, т. е. ректоровъ семинарій, преимущественно предъ всѣми другими архимандритами, бывало, и вызывали на чреду священнослуженія.

Какъ жили отцы архимандриты въ Петербургѣ во время чреды священнослуженія, чѣмъ они тамъ занимались, чего они тогда чаяли себѣ, чего тогда опасались и какъ они оттуда отъѣзжали, если кому доводилось отъѣзжать, не получивши ожидаемаго, все это до наглядности видно изъ предлагаемаго здѣсь письма. Авторъ письма былъ архимандритъ І., ректоръ Е—й семинаріи, а другъ, къ которому письмо писано,—о. пр. Д. С. П-въ. Оба они въ концѣ 1820-хъ и началѣ 1830-хъ годовъ служили въ Т—ѣ, первый ректоромъ тамошней семинаріи, а второй экономомъ сей семинаріи и вмѣстѣ священникомъ кафедральнаго собора и членомъ духовной консисторіи. Частая

встрѣча при архіерейскихъ служеніяхъ, въ консисторіи, а и того болѣе—въ семинаріи, сходство и живость характеровъ (у обоихъ довольно живые и веселые), одинаковость способностей и бѣльшая сравнительно съ другими развитость—сблизили, сдружили архимандрита и священника до того, что они почти ежедневно видались другъ съ другомъ, хотя бы иногда обязанности службы и не требовали того, хотя бы иногда единственно для того, чтобы только перемолвить другъ съ другомъ нѣсколько словъ, въ особенности если съ которымъ нибудь изъ нихъ случалось что нибудь радостное или скорбное. Взаимная дружба ректора и священника не прекратилась и съ разлукой ихъ, когда послѣдній посланъ былъ протоіереемъ сначала въ городъ П., а потомъ въ городъ О., а первый перемѣщенъ (въ 1836 г.), ректоромъ же, изъ Т. въ Е—ю семинарію, а послѣ (въ 1846 г.) произведенъ въ е—го епископа, викарія П. Пріязнь, старая дружба поддерживалась между ними посредствомъ переписки до самой смерти одного изъ нихъ (напередъ, въ концѣ 1853 г.,— протоіерея).

Предлагаемое письмо архимандритомъ І. писано, какъ увидимъ ниже, въ октябрѣ 1844 года, послѣ пребыванія его, архимандрита, на чредѣ священнослуженія въ продолженіе всего 1843 г. и начала слѣдующаго года. Въ этомъ письмѣ, какъ увидимъ, по мѣстамъ проглядываетъ юморъ, шутливость: читающимъ да будетъ извѣстно, что оба друга отличались благородною и скромною шутливостью.

6-го октября 1844 г.

«Достопочтеннѣйшій и пречестнѣйшій от. протоіерей, любезнѣйшій мой Д. С—чъ! Взываетъ къ тебѣ другъ твой изъ-за 3,712 верстъ, почти съ того свѣта; но онъ еще живъ и живетъ на семь бѣломъ свѣтѣ, въ Е—ѣ: это вѣдь — я—І. . . . Въ письмѣ своемъ въ Питеръ, отъ 31-го августа 1843 года, погрозилъ ты мнѣ писать чрезъ мѣсяць, а я, испугавшись такой грозы, помнится, просилъ тебя писать ко мнѣ тогда, когда я выѣду изъ Питера и буду гдѣ нибудь на землѣ, и самъ прежде напишу къ тебѣ, гдѣ я и что я ¹⁾. Исполняю это: я ректоръ и профессоръ богословія Е—й семинаріи, Григорьевскаго Б. монастыря настоятель, магистръ богословія, кавалеръ ордена св. Анны 2-й ст. съ короною, старикъ 54 лѣтъ, я архимандритъ І., я хлѣбѣдь твой по Т. . . . , бью тебѣ челомъ до сырой земли, отецъ, и пишу, что

¹⁾ Это показываетъ, что от. І. вадѣлся, по крайней мѣрѣ, мечталъ быть произведеннымъ въ архіерея въ томъ же году, или вскорѣ по окончаніи его, во время самой чреды, еще до выѣзда изъ Петербурга. А. С.

пришло въ старческую голову.—Вотъ ты меня и спросишь: 1) Когда-де ты, отецъ І., выѣхалъ изъ Питера?—Отвѣтъ: марта 22-го сего года, въ великую среду.—2) Почему же-де гораздо позже срока, не въ январѣ? Отв.: потому, что я не просился, а меня не высылали; да если бы захотѣлъ тамъ жить, такъ и нынѣ бы жилъ. 3) Почему-де ты не просился?—Отв.: боялся оскорбить начальство, полагая, что само оно отпускъ объявитъ; но не тутъ-то было. 4) А отъ чего-де ты не жилъ долѣе?—Отв.: отъ того, что срокъ чреды вышелъ, и жалованье чредное (500 руб. асс. въ годъ) прекратилось; да и въ квартиру или въ мои комнаты (это въ Александро-Невской лаврѣ) помѣстили новаго чреднаго архимандрита вмѣстѣ со мною, который мою залу и гостиную сдѣлалъ себѣ спальною, т. е. два архимандрита—я, І., да Софонія каменецъ-подольскій ¹⁾ (какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ) легли боками къ одной дощаной переборкѣ, на подобіе ширмы, одну комнату разделяющей, а въ переднихъ двухъ комнатахъ—одна стала общею прихожею, а другая темною спальною его двухъ и моихъ двухъ-же келейниковъ: вотъ какъ жили мы и прислуга наша дней десять. 5) Почему-де не произвели тебя въ архіереи? Отв.: а куда? а) архіереи всѣ были живы; б) есть люди, прежде меня на чредѣ бывшіе; в) въ высшихъ мѣстахъ, т. е. академіяхъ и старшихъ семинаріяхъ служащіе; г) больше талантами и заслугами, напримѣръ, сочиненіями извѣстные; д) люди, важныя связи имѣющіе, рекомендаціями (хоть отъ постороннихъ лицъ) богатые; е) люди, имѣть архіерейскихъ ждущіе, жаждущіе, ловящіе.—6) А ты-де развѣ ворона?—Отв.: да, я, І.—голубь, достойный жребія прорска Іоны. (И взяша Іону, и ввергоша его въ море, и преста море отъ волненія своего—1, 15).—ж) Есть люди, сана святительскаго достойные. 7) А ты-де развѣ не достоинъ?—Отв.: какъ же! Мы друзей, кого любимъ, почитаемъ обыкновенно людьми достойнѣйшими; напримѣръ: еслибъ я да ты сидѣли въ синодѣ, то бы ты, конечно, меня провозгласилъ хоть о. архіепископомъ, а я бы тебя произвелъ въ придворнаго сакелларія съ митрою, и оба поставили бы въ Москвѣ патріархомъ блаженной памяти Петра Петровича ²⁾ и пр., и пр. Но полно мнѣ болтать, а тебѣ слушать. Скажика-де лучше: 8) когда ты пріѣхалъ въ Е.? Отв.: мая на 9-е ночью.—9) Что такъ долго ѣхалъ?—Отв.: я ѣхалъ въ самую распутицу, при разливѣ рѣкъ, ѣхалъ околицею—черезъ Кіевъ, гостилъ у племянника Платона К. ³⁾, 10 дней въ Сергіевой лаврѣ, да въ

¹⁾ Это тотъ самый Софонія, который послѣ долго служилъ при нашихъ посольствахъ въ Константинополь и Римъ и который, въ концѣ прошлаго года, померъ въ санѣ архіепископа туркестанскаго, въ городѣ Вѣрномъ.

²⁾ Это бывшій т—ій купецъ (старичокъ А бросимовъ), не богатый, но набожный, очень солидный и гостепріимный.

³⁾ Это въ то время бакалавръ М. дух. академіи, а нынѣ довольно извѣстный въ М. протоіерей.

Кіевѣ у другаго племянника Андрея, младшаго брата его ¹⁾ 10 же дней, въ тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ у товарища по академіи архим. Сергія дней пять, и въ иныхъ мѣстахъ гостилъ или стоялъ по неволѣ. Такъ за то съ отъѣзда изъ Питера видѣлъ я и принялъ личное благословеніе, яко у вселенскихъ патріарховъ, у четырехъ всероссійскихъ митрополитовъ, именно: въ Петербургѣ: 1) у старца Божія митрополита (грузинскаго) Іоны, который есть членъ св. синода и живетъ на покой въ Александровской лаврѣ; 2) у нѣстоящаго первенствующаго члена св. синода митрополита Антонія; 3) въ Москвѣ у митрополита Филарета, и 4) у кіевского митрополита Филарета-же. Эти благословенія что нибудь да значать-же! Въѣдъ не всякій сподобится принять ихъ въ 48 дней пути моего! Ихъ благословеніе есть благословеніе Божіе! Притомъ, въ передній путь на чреду и обратный, и въ Питерѣ видѣлъ всего 22 архіерея и 35 архимандритовъ, съ которыми познакомился: развѣ это не пріобрѣтеніе?—10) Что-де ты дѣлалъ въ Питерѣ?—Отв.: сочинилъ 8 проповѣдей, изъ коихъ 4 и сказалъ; отслужилъ 109 литургій, 100 молебновъ и панихидъ въ 35-ти церквахъ; съѣлъ 53 званыхъ обѣда, въ томъ числѣ 10 у митрополита Антонія и одинъ во дворцѣ у государя . . . вмѣстѣ съ митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ, бывшимъ въ Брещенъе при дворцѣ на водосвятіи; сверхъ того, былъ на 28 богатыхъ закускахъ у разныхъ почтенныхъ лицъ.—Еще спросишь: 11) каково мнѣ было жить въ Петербургѣ?—Отв.: хорошо, какъ бы стоять въ ясный день на берегу при перевозѣ (черезъ 14 мѣсяцевъ): я въ Питерѣ прибылъ января 9-го 1843, а выбылъ марта 22-го 1844 года. Помѣщеніе имѣлъ порядочное, болѣзнями угнетаемъ не былъ, отъ начальствующихъ особъ видѣлъ къ себѣ расположеніе доброе; многіе расходы на содержаніе восполнялись жалованьемъ отъ семинаріи и монастыря, жалованьемъ чреднымъ и подаваніемъ отъ халтуръ, на коихъ служилъ. При отъѣздѣ и прощаніи съ высокими синодскими особами обидныхъ себѣ замѣчаній ни отъ единого не услышалъ; ни архіерейства, ни перемѣщенія себѣ изъ Е. ни у кого не просилъ ²⁾ и не домогался. 12) Каково-де тебѣ теперь житье послѣ С.-Петербурга на старомъ мѣстѣ?—Отв.: благодарю Бога! Съ пріѣзда сюда пользуюсь благорасположеніемъ моего добрѣйшаго владыки

¹⁾ Андрей К. въ то время служилъ бакалавромъ же, только въ Кіевской академіи, а теперь, да и давно, уже онъ архимандритъ и состоитъ начальникомъ одной изъ нашихъ миссій.

²⁾ Тѣ архимандриты, которые ѣхали на чреду съ полною увѣренностію вскорѣ получить архіерейство и, однакожъ, не получали его, для избавленія себя отъ стыда предъ прежними знакомыми, при отъѣздѣ со чреды, почти обыкновенно препрашивались въ какія-либо другія семинаріи. А. С.

Иннокентія ¹⁾ по прежнему, съ сослуживцами живу согласно и много не забочусь и не печалюсь о повышеніи себя; а часто въздыхаю, и тѣломъ и духомъ болѣзную отъ многихъ грѣховъ моихъ, и здоровье и жизнь быстро къ западу дней моихъ подвигающихъ.

«Засишь прошу написать миѣ, какъ вашъ соборъ зовутъ, кто твои сослуживцы, каково твое житье-бытье и здоровье? — Прости, мой другъ любезный; не забывай въ молитвахъ своихъ. Тебя сердечно цѣлую; всему твоему семейству шлю благословеніе и всѣмъ вамъ низжайше кланяюсь съ сего свѣта: живите на многа лѣта.—Октября 6-го дня 1844 года. Ректоръ Е—й семинаріи, архимандритъ І.» ²⁾

Сообщ. Протоіерей Александръ Су—цкій.

НОВЫЕ ВАРИАНТЫ КОМЕДИИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Комедія «Горе отъ ума», какъ извѣстно, долгое время до напечатанія ходила въ рукописяхъ среди многочисленныхъ ея почитателей. Сотни рукописей ходили по рукамъ и нѣтъ ничего удивительнаго, если при переписываніи искажался нѣсколько текстъ, пропускались по недосмотру нѣкоторыя строки, а иногда ускользали изъ виду очень важныя варианты; говорю—варианты, потому что Грибоѣдовъ нѣсколько разъ переписывалъ свою комедію и исправлялъ.

Въ изданіи знаменитой комедіи г. Гарусовымъ сдѣланы указанія на нѣкоторыя рукописи и изданія, которыя удалось просмотрѣть г. Гарусову; какія измѣненія были найдены въ нихъ—все это весьма добросовѣстно было сообщено въ примѣчаніяхъ къ тексту комедіи ³⁾.

Я имѣю въ настоящее время въ своемъ распоряженіи еще двѣ рукописи комедіи, имѣющія нѣкоторыя особенности отъ просмотрѣнныхъ г. Гарусовымъ, вслѣдствіе чего нахожу полезнымъ сообщить ихъ, думая, что нѣкоторые варианты могутъ войти въ слѣдующее изданіе

¹⁾ Это Иннокентій Александровъ, дѣйствительно, Добрѣйшій владыка; до Е—й епархіи по недолгую оуъ управлялъ епархіями харьковскою и иркутскою, а съ е—й, послѣ 15-ти лѣтняго управленія ею, за болѣзнію, отошелъ на покой, а послѣ и въ вѣчность.

²⁾ Сей архимандритъ 19-го мая 1846 г. хиротонисанъ въ епископа е—го, викарія П. Черезъ 13 лѣтъ управленія викаріатствомъ, по болѣзни (былъ разбитъ параличомъ), отошелъ на покой въ Н—й монастырь и тамъ долго велъ многоболѣзненную, плачевную жизнь. А. С.

³⁾ См. «Обзоръ всѣхъ изданій «Горе отъ Ума» съ 1829 по 1874-й годъ, включительно,—статья И. Д. Гарусова въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ X, стр. 585 и 715.

«Горя отъ ума» и, можетъ быть, пополнить матеріалъ для разработки комедіи въ будущемъ. Я позволю объ указать въ этихъ рукописяхъ только на болѣе или менѣе важныя измѣненія; что же касается до очевидныхъ описокъ, недосмотровъ, невѣрной пунктуаціи и неправильной орфографіи—это, конечно, не представляетъ никакой важности.

При указаніяхъ буду держаться нумераціи стиховъ Гарусовскаго изданія. Кромѣ того, долженъ замѣтить, что въ имѣющихся у меня рукописяхъ я нашелъ мѣстами нѣкоторое сходство съ рукописями Жандра и Ш. А. Ефремова.

I.

Первая рукопись, въ поллиста писчей бумаги, нѣсколько желтоватаго цвѣта, въ обыкновенномъ переплетѣ съ сафьяннымъ корешкомъ. На лицевой сторонѣ переплета золотыми буквами напечатано названіе комедіи. Рукопись написана четко, по видимому, гусинымъ перомъ. Перечень дѣйствующихъ лицъ писанъ другою рукой. Эта рукопись принадлежитъ А. П. Аристову, и была получена имъ въ подарокъ, въ 1866 году, отъ его товарища К. Н. Вавржицкаго. Отъ кого досталась рукопись этому послѣднему — не знаю.

Заглавный листъ этой рукописи таковъ:

ГОРЕ ОТЪ УМА

оригинальная комедія въ чetyрехъ дѣйствіяхъ

Сочиненіе А. С. Грибоедова

1833 года.

Вотъ замѣченныя мною отступленія отъ указанныхъ Гарусовымъ.

Въ первомъ дѣйствіи:

По рукописи:	По Гарусову:
Строки.	
30. Скромна, а ничего кромѣ Проказъ да вѣтру на умѣ,	Скромна и ничего кромѣ Проказъ и вѣтра на умѣ.—
65. Тужите, знай, а съ старыми вѣтъ мочи! Сюда вашъ батюшка вошелъ: я обмерла,	Тужите, знай, со стороны вѣтъ мочи! Сюда вашъ батюшка пришелъ, я об- мерла,
84. Братъ, нельзя ли для прогулокъ	Другъ, и проч.
114. Старушку-золото тебѣ въ надзоръ проставилъ,	Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ проставилъ:

168. Тутъ съ громомъ растворились
двери.
173. Насъ провожаютъ: стонъ, ревъ, и пр.
181. Ну, сударь—ты?
183. Дался имъ голосъ мой и какъ
исправно:
187. Помилуйте-съ, что это, и пр.
195. Поди-ка и усни опять
198. Что въ ходъ нельзя пустить безъ
справокъ бы иныхъ.
206. Ну, вотъ и праздниѣ вамъ, ну,
вотъ вамъ и потѣха,
240. Онъ слово умное говаривалъ-ли
съ роду?
320. Мнѣ кажется, такъ напоследокъ
373. Домъ зеленью раскрашенъ, и пр.
379. А тотъ чахоточный, жесто-
кій книгамъ врагъ ¹⁾,
396. Не то, чтобы въ наукахъ далеки:
409. Чацкій. А чѣмъ не кавалеръ:
Отъ насъ потребуютъ съ имѣн-
емъ быть и въ чинѣ,
А онъ французъ!.. Здѣсь нынѣ-
че тонъ таковъ
- Тутъ съ громомъ распахнулись двери...
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, и пр.
Ну, сударь мой, а ты?
Дался имъ голосъ мой и какъ себѣ ис-
правно
Помилуйте, что это и пр.
Поди-ка лягъ, усни опять!
Что въ ходъ нельзя пустить безъ
справокъ, а въ иныхъ
Ну, вотъ у. праздника! Ну, вотъ вамъ
и потѣха!
Онъ слова дѣльнаго не выговорилъ
съ роду.
Мнѣ кажется, что, напоследокъ,
Домъ зеленью росписать, и пр.
А тотъ чахоточный, родня вашъ, кни-
гамъ врагъ,
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Чацкій. Что-жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣн-
емъ быть и въ чинѣ,
А Гельоме!.. Вѣдь нынѣче товъ та-
ковъ!

Во второмъ дѣйствіи:

1. Петрушка!.. (Петрушка вхо-
дитъ). Вѣчно ты съ обновкой,
15. Ахъ, родъ людской! и пр.
38. Иль Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось-ли печали?
51. Скажи, повправилась тебѣ она?
Обрыскавъ свѣтъ, не хочешь-ли
жениться?
58. Сказалъ-бы я: во первыхъ, не
блажи,
Имѣн-емъ, братъ, не управляй
оплошно,
А во вторыхъ: поди-ка по-
служи.
65. Я, напримѣръ, или покойникъ-дядя
78. Когда-жъ случалось подслужиться
183. Какъ ей бы здѣсь не быть...
272. Вѣдь только здѣсь и дорожать
двусѣянствомъ
- Петрушка, вѣчно ты съ обновкой,
Охъ, родъ людской, и пр.
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось-ли печали?
Скажи: тебѣ повправилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли же-
ниться?
Сказалъ бы я, во первыхъ: не блажи;
Имѣн-емъ, братъ, не управляй оп-
лошно,
А главное—поди-тка послужи.
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя
Когда же надо подслужиться,
Какъ здѣсь бы ей не быть!..
Вѣдь только здѣсь еще и дорожать
дворянствомъ

¹⁾ Напечатанными разрядкой строки представляютъ особенный интересъ.

278. Для насъ равнехонько: для всѣхъ готовъ обѣдъ.	Для насъ равнехонько: про всѣхъ го- товъ обѣдъ.
308. Ихъ благопривію и лицамъ.	Ихъ благопривію, не лицамъ.
310. Умѣютъ всѣ себя принарядить	Умѣютъ же себя принарядить
338. Не я одинъ, всѣ такъ же рассу- даютъ.	Не я одинъ,—всѣ такъ-же осуждаютъ;
357. Не тотъ-ли князь, къ кому меня еще съ пеленъ,	Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
368. Самъ погружаясь въ Зефирахъ и Амурахъ	Самъ, погруженъ умомъ въ Зефирахъ и Амурахъ
388. И въ женахъ, въ дочеряхъ, къ мундиру также страсть	И въ женахъ, въ дочеряхъ, къ мунди- ру та же страсть!

Между 420 и 421-мъ стихами вставлена лишняя и совершенно неумѣст-
ная строка: «Мани къ ней вѣромъ сильнѣ».

450. Когда лишаемся единственнаго друга!	Когда лишаешься единственнаго друга!
458. Но я не зналъ, что будетъ изъ того Всѣмъ прритація, и пр.	Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того Вамъ прритація; и пр.
463. А все теперь еще дрожу...	Я вся еще теперь дрожу.
473. Что разъ о немъ такъ пожалѣла	Что разъ о комъ-то пожагѣла
497. Вѣдь знаете, что жизнь мнѣ ва- ша дорога;	Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога,
545. Есть туалетъ—прекестная работа:	Есть туалетъ—прехитрая работа:
553. Съ духами стьялочки: минфлеръ, жесминъ	Съ духами стьялочки: есть резеда, жесминъ.

Въ третьемъ дѣйствіи:

4. Прежалкое созданье!	Жалчайшее созданье!
37. И климатовъ и правовъ, и умовъ:	Правлений, климатовъ, и правовъ, и умовъ.
71. Не думать о любви; и буду я умѣть	Не думать о любви! Тамъ буду я умѣть,
162. Къ перу отъ картъ, а къ картамъ отъ пера	Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
220. Вѣдь надобно зависѣть отъ дру- гихъ.	Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ дру- гихъ.
464. Уфъ! я точнехонько избавилась отъ петли!	Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
513. Ты слышалъ-ли объ Чацкомъ?	Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?
707. Лишь ротъ открытъ, имѣеть счастье	Лишь ротъ открытъ—имѣеть счастье
Во всѣхъ дѣвицъ вселять уча- стье	Во всѣхъ княженъ вселять участие.

Ремарка, сдѣланная въ концѣ 3-го акта, оканчивается въ рукописи такъ
...«старикъ разбрелся по карточнымъ столамъ. Балъ».

Въ четвертомъ дѣйствіи:

38. Кучера-съ нигдѣ здѣсь не найдуть
72. Что балъ, братецъ? гдѣ! Мы всю
ночь до бѣла дня
105. Мнѣ не подь силу, братъ: я чув-
ствую, что глупъ.
114. Э, братъ, кто нынче спить? и пр.
136. «Анонь Ламьярь, ми, но, но, но»,
166. Однако я когда умишкомъ пона-
тужусь
192. Какихъ, конечно, намъ не выду-
мать и съ тобой
208. По статской я служилъ тогда,
246. И дальній разговоръ зашелъ про
водевиль;
262. Мсье Репетиловъ! Мсье Репети-
ловъ! Что вы!
315. Что это слышалъ я? мои-ли
ушами?
367. Кака-жъ по снѣнямъ бродить ему
охота?
369. Любовь до завтра поберегъ
394. ...Да что! открытъ и душу
404. И вамъ не стыдно?
424. Ахъ! вспомните! Не гнѣвайтесь,
взгляните-съ!
429. ...Не подличайте, и стыдитесь ')
485. Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
(бьетъ его)
509. И постараюсь я, въ набать я
приударю,
552. И спала съ глазъ долой меч-
таній целена!
- Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдуть.
Что, братецъ, балъ, гдѣ мы всю ночь
до бѣла дня
Мнѣ не подь силу, братъ, и чувствую,
что глупъ.
Э, брось! Кто нынче спить? и пр.
«А нонь ла-шьярь ми? но-но-но!»
Однако-жъ я когда умишкомъ пона-
тужась,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать
съ тобой,
По статской я служилъ. Тогда
И дѣльный разговоръ зашелъ про во-
девиль...
Мсье Репетиловъ! Вы? Мсье Репети-
ловъ! Что вы!
Что это?... Слышалъ я мои-ли
ушами...
Да, какъ же! По снѣнямъ бродить ему
охота!
Любовь на завтра поберегъ,
...Да что? Открытъ-ли душу?
И вамъ не совѣстно?
Ахъ! вспомните! Не гнѣвайтесь... взгля-
ните!
...Не подличайте, встаньте!
Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
Я постараюсь, въ набать я приударю,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пе-
лева!..

II.

Вторая рукопись по письму и бумагѣ гораздо новѣе; подарена М. А. Бобринцевой-Пушкиной отцомъ ея г. Браккеръ. На первомъ листѣ каллиграфически написано: «Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе А. Грибоѣдова»; на слѣдующемъ—эпиграфъ:

Судьба проказница-шалунья
Опредѣлила здѣсь сама:
Всѣмъ глупымъ—счастье отъ безумья;
Всѣмъ умнымъ—горе отъ ума.

1) Стихъ: «Сердиться перестаньте!»—пропущенъ въ рукописи.

Эпиграфъ написанъ другою рукой и совершенно выпѣлгъ. Характеристика дѣйствующихъ лицъ нѣсколько оригинальна и, кажется, не встрѣчается въ видѣнныхъ мною изданіяхъ. Вотъ она:

- Павель Афонасьевичъ Фамусовъ, начальникъ казеннаго мѣста.
 Софья Павловна Фамусова, его дочь.
 Лиза, горничная дѣвушка, Софьи Павловны.
 Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова.
 Александръ Андреевичъ Чацкій, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Софьею.
 Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, полковникъ отъ арміи и кавалеръ.
 Петрушка, одинъ изъ слугъ Фамусова и буфетчикъ.
 Платонъ Михайловичъ Горичъ, московскій житель, бывшій въ кавалерійской службѣ.
 Наталья Дмитриевна, жена его, молодая дама.
 Князь Петръ Ильичъ Тугоуховскій, глухой старикъ, московскій житель.
 Бнягина, жена его
 Шесть княженъ Тугоуховскихъ, дочерей.
 Графиня Хрюмина, старуха глухая.
 Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
 Анфиса Ниловна Хлестова, старуха 80 лѣтъ, тетка Софьи.
 Господинъ N } гости.
 Господинъ Д }
 Множество гостей обоего пола.
 Репетитовъ, московскій житель, знакомый Чацкому.
 Множество слугъ Фамусова дома и собравшихся у подъѣзда, ожидающихъ разѣзда своихъ господъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Замѣченныя особенности:

Въ первомъ дѣйствіи:

Въ ремаркѣ этого дѣйствія сказано, что Лиза спитъ, свалившись съ кресель ¹⁾.

По рукописи:
 Строки.

28. О! Зелье-баловница!
 47. На весь кварталъ симфоніей гремишь
 66. Сюда вашъ батюшка зашелъ, я обмерла
 112. Мать умерла, умѣлъ я приискать
 156. Въ немъ траву
 193. Но выбей дурь изъ головы

По Гарусову:

- Ахъ, зелье! баловница!
 На весь кварталъ симфонію гремишь
 Сюда вашъ батюшка пришелъ; я обмерла,
 Мать умерла;—умѣлъ я приискать
 Траву
 Повыкинь вздоръ изъ головы:

¹⁾ См. примѣч. Гарусова, стр. 139.

198. Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, что въ иныхъ
справокъ, что въ иныхъ
216. А то, чтобъ положить ко- А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
нецъ проказамъ!
220. Когда печальна я, ничто на умъ Когда-жъ печальное ничто на умъ
нейдетъ вейдетъ,
233. А при звѣздахъ не всѣ ра- А при звѣздахъ не всѣ богаты между
зумны между нами нами
264. Привычка съ Чацкиньбыть, и проч. Привычка вмѣстѣ быть, и проч.
312. И между тѣмъ, не вспомню безъ А между тѣмъ не вспомнюсь, безъ души,
души
482. Теперь... да, въ пламя изъ огня Теперь... да въ поля изъ огня...

Во второмъ дѣйствіи:

115. Иной, глядя на тотъ тычокъ Иной, глядя на тотъ скачокъ
138. А нашъ предоставляю вамъ во Предоставляю вамъ во власть
власть
- Откиньте что-нибудь на часть Откиньте часть
191. Отдушничекъ отворимъ поскорѣе! Отдушничекъ отворюемъ поскорѣе...
262. Вкусъ, батюшка, отличная манера! Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера;
279. Взгляните вы отъ головы до пятокъ Возьмите вы, отъ головы до пятокъ
312. Словечка по-просту не ска- Словечка въ простотѣ не скажутъ—
жутъ,—
331. Не служить онъ, т. е. въ томъ Не служить, т. е. въ томъ онъ пользы
пользы не находить не находить;
340. Къ свободной жизни ихъ вражда не- Къ свободной жизни ихъ вражда не-
примирима примирима;
357. Не тотъ-ли, къ кому меня еще Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ
съ пелень пелень,
362. Усердствуя въ часы гульбы и драки Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
391. Но кто-бъ тогда за всѣми не по- Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся,
увлекся,
407. Что даже говорить умѣютъ по Что даже говорятъ иные по французски!
французски.
434. Я точно какъ во снѣ (громко и Я точно какъ во снѣ (торопливо и
страство) громко)
448. Смятенье! обморокъ! поспѣшность Смятенье! Обморокъ! Поспѣшность!
гнѣва и испуга! Гнѣвъ! Испуг!
450. Лишившись единственнаго друга! Когда лишаясь единственнаго друга!
458. Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того? Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вотъ irritaція; и пр. Вамъ irritaція; и пр.
483. Ахъ, Александръ Андренчъ, вотъ: Ахъ, Александръ Андренчъ! вотъ
Явитесь въ полнотѣ великодушны Явитесь: вы вопли въ великодушны!
518. Готова я была въ окошко къ вамъ Готова я была въ окошко къ вамъ
прыгнуть... прыгнуть,
Что мнѣ до нихъ, до всей Да что мнѣ до кого, до нихъ, до всей
вселенной? вселенной?

Смѣшно—пусть шутятъ, досадно—
 пусть бранятъ! Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ; до-
 садно?—пусть бранятъ!
 533. И! кто влюбленъ—на все готовъ. А кто влюбленъ—на все готовъ.

Въ третьемъ дѣйствіи:

17. Чего же я хочу когда все рѣшено! И я чего хочу, когда все рѣшено!
 567. Хоть предъ монаршимъ-то лицомъ, Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
 587. Что нынче больше, чѣмъ когда, Что нынче лучше, чѣмъ когда,
 710. Кто недругъ выписныхъ всѣхъ лицъ, и словъ кудравыхъ, Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ,
 словъ кудравыхъ,

Въ четвертомъ дѣйствіи:

28. Гдѣ прелесть первыхъ встрѣчь? Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участие въ
 участие въ комъ живое? комъ живое?
 123. Оно, вотъ видишь, не дозрѣло Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
 136. Allons ma chere mi... но, но, но! «А новъ ла-шьяръ ми? но-но-но!»
 152. Мы, знаешь ты, его на черный день пасемъ, Все знаетъ. Мы его на черный день
 пасемъ.
 167. Засяду, часикъ посижу Засяду,— часу не сижу,
 171. Другіе мастера на музыку кладутъ; Другіе шестеро на музыку кладутъ;
 243. Былъ Чацкій здѣсь, потомъ былъ Былъ Чацкій — вдругъ исчезъ; потомъ
 Скалозубъ и Скалозубъ...
 260. Ахъ! вѣсти старья ни для кого Ахъ, вѣсти старья! кому же онъ новы?
 не новы?
 353. Къ чудесному я точно пригото- Къ необычности я точно пригото-
 вленъ; вленъ.
 375. Вы, сударь, камень, сущій ледъ! Вы, сударь, камень, сударь, ледъ!
 453. Скорѣе въ обморокъ! Теперь-то Скорѣе въ обморокъ! Теперь оно въ
 ужъ въ порядкѣ... порядкѣ!
 515. Предсталъ предъ васъ, одной изъ Представилъ васъ себѣ одной изъ
 хладнокровныхъ *) хладнокровныхъ
 526. Вотъ идеалъ московскихъ всѣхъ Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ
 мужей!!! мужей!
 558. Всѣ гонять, всѣ вредятъ; мучите- Всѣ гонять, всѣ кланутъ! Мучителей
 лей толпа: толпа,

Кромѣ этихъ особенностей, есть сходныя съ первою рукописью, а именно: въ 1-мъ дѣйствіи—373 стихъ; во 2-мъ—52, 272, 278 и 388; въ 3-мъ—71; въ 4-мъ—315 и 404. 708-й стихъ 3-го дѣйствія—по тифлисскому списку.

Конечно, при выписываніи вариантовъ я могъ случайно сообщить нѣсколько уже весьма извѣстныхъ библиографамъ; нѣкоторыя мѣста могли быть простыми описками, но я боялся пропустить что-нибудь интересное.

*) Редакція монолога та же, что и въ 1-мъ изд. Тиблена.

Въ заключеніе настоящей замѣтки скажу нѣсколько словъ объ опредѣленіи характеристики Чацкаго Гарусовымъ. Онъ говоритъ, что оригиналомъ для Чацкаго поэту послужилъ Чаадаевъ. Я согласенъ съ этимъ замѣчаніемъ только въ одномъ, что Чацкій тогда Чаадаевъ, когда онъ является карателемъ всей пошлости и мелочности московскаго общества. Вся его интрига съ Софьей, его сердечныя страданія, какъ любовника, далеки отъ его прототипа и не могли случиться съ Чаадаевымъ во время Фамусовскаго скандала, случившагося въ 1822-мъ году. Чаадаеву въ это время было по крайней мѣрѣ лѣтъ 28 (онъ уже въ 1812 году участвовалъ въ войнѣ), Софья же—только 17. Какъ они могли воспитываться вмѣстѣ, «играть и шумѣть по стульямъ и столамъ»? или—когда «батьюшка съ мадамой» садились за пикетъ, Чацкій и Софья прятались «въ темномъ уголкѣ». Можетъ быть, характеръ Чацкаго и обрисованъ по Чаадаеву, но только отчасти. Чацкій и Чаадаевъ похожи только въ одномъ—оба они относятся скептически къ порядкамъ стараго времени.

Казань.

В. Ильковъ.

ЧУМА ВЪ ОДЕССѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

22-го сентября 1837 года прибыла къ одесскому рейду херсонская лодка «Самсонъ», шкиперъ которой объявилъ выѣхавшимъ на встрѣчу карантиннымъ чиновникамъ, что на его суднѣ находится женщина, умершая отъ заразительной болѣзни, которою она заболѣла послѣ нагрузки судна дровами въ турецкомъ мѣстечкѣ Исакчѣ. Женщина оказалась женой шкипера. Послѣ освидѣтельствованія, тѣло оказалось покрытымъ пятнами и полосами, которыя были объяснены побоями мужа, въ которыхъ онъ сознался, прибавивъ, впрочемъ, что ударилъ жену слегка и не болѣе двухъ или трехъ разъ. Объяснивъ пятна и смерть побоями, медики и карантинное управленіе сдѣлали ошибку, которая повлекла за собою рядъ другихъ ошибокъ.

Нужно замѣтить, что экипажъ «Самсона», во время плаванія до Одессы, велъ себя очень осторожно и старался избѣгать всякаго прикосновенія къ умершей. Никто изъ экипажа не рѣшался войти въ кладовую, подлѣ которой лежало тѣло умершей. Чтобы достать състныхъ припасовъ, прорубили на палубѣ отверстіе, и такимъ образомъ, посредствомъ крючковъ и веревокъ, вытаскивали мѣшки съ сухарями. По приѣздѣ въ Одессу, умершая была похоронена, и экипажу дозволено было перевозить грузъ на берегъ. Нѣкоторое время все

было на суднѣ благополучно, но 6-го октября 1837 года на немъ заболѣли двое матросовъ, съ явными признаками заразы. Тогда только матросовъ перевели въ особый кварталъ, а съ судномъ поступили на основаніи предписаній о зачумленныхъ предметахъ. Между тѣмъ, 7-го октября, обнаружился новый случай заразы: заболѣла жена надзирателя карантинной стражи Исаева, жившаго невдалекѣ отъ того мѣста, куда былъ сложенъ грузъ съ «Самсона». Произошло это, вѣроятно, оттого, что надзиратель не употребилъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, когда хоронили жену шкипера. Болѣзнь приняли за горячку, и даже, когда жена надзирателя умерла, всѣ были убѣждены, что она умерла отъ горячки. Опечаленный мужъ похоронилъ умершую и, по обычаю, справилъ поминки. Часть одежды и обуви покойницы была имъ раздарена бѣднымъ. Между тѣмъ, карантинъ, признанный, по своему устройству, однимъ изъ превосходнѣйшихъ въ Европѣ, дѣлалъ свое дѣло, и всѣ были убѣждены, что городъ совершенно застрахованъ отъ заразы. Но вотъ захворалъ и умеръ Исаевъ. Тогда припомнили, что 19-го октября заболѣлъ рабочій карантиннаго баталіона Тихонъ Дудинъ и былъ отправленъ въ общій лазаретъ. Отправившись туда, нашли, кромѣ Дудина, и другихъ больныхъ, именно: нѣсколько стражниковъ и одну женщину, которой, какъ узнали, досталась шуба при раздачѣ разныхъ вещей послѣ умершей Исаевой. Тогда убѣдились, что въ городѣ появилась чума. Случаи зараженія стали открываться чаще и чаще.

24-го октября были найдены слѣды заразы въ домѣ мѣщанина Щекина, читавшаго псалтирь надъ тѣломъ Исаевой. Чумный кварталъ наполнялся. Тогда, по распоряженію градоначальника Левшина, были приняты для безопасности города различныя мѣры: сомнительные дома были оцѣплены; для обсужденія мѣръ предосторожности были приглашены почетнѣйшія лица города; городъ былъ раздѣленъ на участки, порученные надзору особыхъ комиссаровъ и медиковъ, и учрежденъ врачебный совѣтъ. 22-го октября городъ былъ объявленъ «неблагополучнымъ». 25-го прибылъ въ городъ генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ. Чувствовалась необходимость въ энергическихъ мѣрахъ, такъ какъ городъ представлялъ очень много матеріала для самаго быстрого развитія болѣзни. Было осеннее время, когда Одесса наполняется огромною массою извозчиковъ и рабочихъ. На дорогахъ къ ней толпилось множество обозовъ, которые вскорѣ покрыли и сосѣднія поля. Такъ какъ запрещено было хоронить мертвыхъ безъ медицинскаго освидѣтельствованія, то зачумленные тѣла копились и грозили новою заразой.

Воронцовъ открылъ свою дѣятельность рядомъ разнообразныхъ мѣръ. Каждый участокъ города былъ ввѣренъ комиссару, избранному изъ почетныхъ лицъ города. Въ распоряженіи комиссара находилось нѣсколько помощниковъ. Они служили посредниками между начальствомъ и жителями, но главная ихъ обязанность заключалась въ наблюденіи за общественнымъ здоровьемъ, въ которомъ они удостоивались посредствомъ ежедневнаго посѣщенія домовъ. Для освидѣтельствованія больныхъ они должны были призывать участковыхъ медиковъ. Сомнительные дома оцѣплялись караулами, а изъ чумныхъ выводились всѣ здоровые обитатели. Умершихъ отъ заразы хоронили на карантинномъ кладбищѣ; зараженныхъ отправляли въ чумный кварталъ, подъ строгимъ присмотромъ. Сомнительныхъ врачи посѣщали каждый день, для принятія, въ случаѣ надобности, необходимыхъ мѣръ. Вещи, принадлежавшія явно чумнымъ, сжигались, сомнительныя же окуривались хлоровымъ газомъ или опускались на сутки въ воду. Тѣмъ и другимъ занимались такъ называемые мортусы, одѣтые въ кожаное предохранительное платье. Лошадей, рогатый скотъ и овецъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, обмывали водой, а кошекъ и собакъ убивали.

Одною изъ наиболѣе рѣшительныхъ мѣръ Воронцова былъ осмотръ предмѣстья Одессы, Молдаванки, имѣвшей 1,296 домовъ и 11,177 человекъ населенія. Предмѣстье было раздѣлено на пятнадцать частей, изъ которыхъ въ каждую были назначены медики, которые начинали осмотръ съ разсвѣтомъ и въ одно и то же время. Жителей повѣряли по спискамъ, обращая особенное вниманіе на сомнительныхъ. Для осмотра женщинъ приглашались повивальныя бабки. Благодаря названной мѣрѣ, былъ открытъ новый зачумленный домъ, мѣщанина Левицкаго, причемъ найдено было нѣсколько больныхъ и два трупа, хозяина дома и его сына. Эти трупы и 16 человекъ больныхъ были отправлены въ чумный кварталъ, а сосѣдніе дома оцѣплены карауломъ. Умершихъ обыкновенною смертію въ Молдаванкѣ хоронили въ сопровожденіи священника, но съ конвоемъ, для предупрежденія всякаго сообщенія. Часовые «сомнительныхъ» домовъ должны были ходить по тропинкамъ, усыпаннымъ негашеною известью, и наблюдать, чтобы тряпки и соръ не приставали къ ихъ обуви. 8-го ноября 1837 года было прекращено сношеніе Молдаванки съ городомъ.

9-го и 10-го ноября былъ произведенъ осмотръ города. Сомнительныхъ случаевъ оказалось мало. За то въ предмѣстьяхъ постоянно открывались новые случаи зараженія. Замѣчено было при этомъ, что

нѣкоторые чумные больные жаловались въ началѣ болѣзни на тошноту, боль у ложечки и головокруженіе; глаза имѣли дикое выраженіе, на тѣлѣ показывались темносинія пятна, подъ мышками желваки и карбункулы. Всѣ разсмотрѣнные случаи зараженія въ предметяхъ доказали, что болѣзнь переходила чрезъ непосредственное сношеніе съ зачумленными. Такимъ образомъ, на примѣръ, была передана болѣзнь мѣщаниномъ Ефимомъ Полежаевымъ старухѣ Марьѣ Захаровой и его родственнику Одету Гайдученку, отъ которой они и умерли. Сынъ Полежаева тоже заболѣлъ, но скоро поправился. Заболѣли двумя болѣзнями Гайдученка, чумою и сифилисомъ, и жена его Анна.

20-го ноября, по приказанію Воронцова, было приступлено къ очищенію Молдаванки. Жителямъ приказано было заняться раскладкою вещей и уничтоженіемъ всякаго хлама. На каждомъ дворѣ выбирались отдѣльныя избы, въ которыхъ плотно замазывали окна и развѣшивались вещи, которыя неудобно было очипать въ водѣ. Затѣмъ было приступлено къ окуриванію, подъ надзоромъ особенныхъ комиссаровъ. Комнаты, въ которыхъ помѣщался приборъ для окуриванія, печатывались и запирались на извѣстное время, а вещи, непортившіяся отъ омовенія, погружались на сутки въ воду. Такъ были очищены всѣ дома, въ которыхъ еще не было заразы. Ихъ оказалось до 1,296.

Жители Одессы начали уже успокоиваться, думая, что болѣзнь ограничится предметями. Но они скоро должны были разочароваться. 20-го ноября услышали, что и въ городѣ явились случаи заболѣванія. Заболѣли три денщика оберъ-аудитора Юркова. Оказалось, что они находились въ сношеніи съ стражниками карантиннаго баталіона, и одинъ изъ нихъ, саженикъ, носилъ обувь въ казармы, при чемъ обнаружилось и то, что имъ была заражена чумою Марья Поколотова. Затѣмъ въ домѣ Юркова заболѣло еще нѣсколько человекъ. Были и другіе случаи заболѣванія въ городѣ, но ихъ было гораздо меньше, нежели въ предметяхъ, гдѣ гнѣздились преимущественно бѣдный людъ. Такимъ образомъ жители города въ скоромъ времени опять могли успокоиться.

Не пересчитывая всѣхъ случаевъ зараженія, замѣтимъ, что болѣзнь дольше всего держалась въ карантинѣ, гдѣ она дѣйствовала съ большою силою, не смотря на всѣ мѣры, принятія для ея ослабленія. Въ концѣ декабря 1837 г. она прекратилась и въ карантинѣ. Последнею ея жертвою была десятилѣтняя дѣвочка Авдотья Нефедьева.

Жизнь въ городѣ стала принимать обычное свое теченіе, но мѣры предосторожности все еще соблюдались. Больныхъ и умершихъ осма-

тривали по прежнему. На христіанскомъ и еврейскомъ кладбищахъ были устроены балаганы, въ которыхъ, для осмотра, складывались на нѣкоторое время трупы. Въ своемъ воззваніи къ жителямъ столицы, графъ Воронцовъ говорилъ о необходимости соблюденія предохранительныхъ мѣръ и предлагалъ жителямъ приступить къ очищенію города посредствомъ провѣтриванія вещей и погруженія ихъ въ воду. вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ тряпки и нечистоты приказано было сожигать въ особенныхъ, назначенныхъ для того, ямахъ.

9-го декабря 1837 г., было открыто богослуженіе въ неоцѣпленныхъ церквахъ, при чемъ въ послѣднія полиціей впускалось опредѣленное число молящихся, съ сохраненіемъ опредѣленныхъ промежутковъ между ними. Священникъ могъ благословлять ихъ только издали и не долженъ былъ допускать къ цѣлованію креста или евангелія. Закуски въ лавкахъ и магазинахъ дозволялись нѣкоторое время не иначе, какъ у отворенныхъ дверей, чрезъ протянутыя веревки или барьеры. Покупатели не могли дотронуться ни до одной вещи, не купивши ея, и проданную вещь брали не изъ рукъ лавочника, а со стола. Серебряныя и мѣдныя деньги ополаскивались въ водѣ, а бумажныя окуривались въ особенныхъ ящикахъ.

Не смотря на мѣры предосторожности, нашлись въ Одессѣ люди, которые сдумѣли обойти ихъ. Такъ, нѣкто Николай Леванцовъ зарылъ въ землю сундукъ съ разными вещами; Иванъ Гайдуковъ спряталъ нѣсколько платковъ и шалей въ разломанной печи, а Марѳа Лахманова вложила свертокъ чулковъ въ трубу. Было нѣсколько случаевъ возмущенія противъ карантинныхъ правилъ и увѣренія, что чума—выдумка медиковъ, и что всѣ мѣры предосторожности направлены единственно къ угнетенію бѣдныхъ людей.

24-го февраля 1838 г. была снята съ Одессы карантинная цѣпь. Издержки на борьбу съ эпидеміей были опредѣлены въ 300,000 руб.

Этотъ очеркъ чумной заразы приводитъ къ слѣдующимъ, выводамъ. Во первыхъ, появленіе чумы въ Одессѣ въ 1837 году объясняется оплошностью медиковъ и карантиннаго одесскаго управленія; во вторыхъ, болѣзнь эта передавалась чрезъ непосредственное соприкосновеніе съ зачумленными или посредствомъ принадлежавшихъ имъ вещей; въ третьихъ, она дѣйствовала преимущественно въ мѣстахъ, густо населенныхъ бѣднымъ людомъ; и въ четвертыхъ, ослабѣла и вовсе прекратилась съ наступленіемъ болѣе холоднаго времени и послѣ энергическихъ мѣръ, принятыхъ для борьбы съ нею управленіемъ города.

С. Веснянъ.

Дивабургъ.

О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Ея императорскаго величества фрейлина М. С. Муханова обратилась въ Академію Наукъ съ письмомъ, въ которомъ она изложила, что «сохраняя въ сердцѣ своемъ благоговѣнную память къ почивающей въ Бозѣ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, при которой ея отецъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, долго служилъ оберъ-штабмейстеромъ, и сама она, состоя фрейлиною, провела лучшіе, незабвенные годы своей жизни, и воспомятая любвеобильную христіанскую дѣятельность этой государыни на благо и счастье взятыхъ ею на свое попеченіе дѣтей, сиротъ и бѣдныхъ, — она поставила священнымъ обѣтомъ своего сердца сохранить по возможности воспоминаніе о ней, ея жизни и дѣяніяхъ для всѣхъ соотечественниковъ, кому памяты и дороги бывшія ея заботы на поприщѣ благотворительности, и что въ этомъ намѣреніи она хотѣла бы посильно содѣйствовать къ тому, чтобы у насъ, на русскомъ языкѣ, явилось полное жизнеописаніе покойной императрицы», Съ этою цѣлью г-жа Муханова представила въ академію 5,000 руб., назначивъ ихъ для выдачи, отъ имени Академіи, въ видѣ преміи, за лучшее жизнеописаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вслѣдствіе сего Академія Наукъ, съ высочайшаго соизволенія, приглашаетъ всѣхъ желающихъ принять участіе въ соисканіи этой преміи, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Срокъ для этого соисканія назначается пятилѣтній, такъ что отвѣтныя сочиненія должны быть доставлены въ Академію не позже 1-го марта 1884 г.;
- 2) на соисканіе преміи допускаются лишь рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ;
- 3) авторъ имѣетъ право выставить на сочиненіи свое имя, или же скрыть оное въ залечтанномъ пакетѣ, снабженномъ особымъ девизомъ;
- 4) о послѣдствіяхъ конкурса на премію будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1884 года;
- 5) премія будетъ состоять изъ капитала въ 5,000 р. и изъ процентовъ, которые наростутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи. Вся эта сумма, капиталъ вмѣстѣ съ процентами, назначается автору увеличеннаго преміею сочиненія;
- 6) премія будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его труда;
- 7) ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ цесаревнѣ благоугодно было соизволить на то, чтобы согласно желанію фрейлины Мухановой, сочиненіе, которое будетъ награждено учрежденною ею преміею, было при изданіи своемъ въ свѣтъ посвящено августѣйшему имени ея высочества.